

Боролся. Искал. Нашел. Не сдался

100 лет Вениамину Каверину

Владимир Березин

Независимая газ. - 2002 - 19 апр. - с. 8.

Каверин – непростой писатель. Этот человек, сто лет назад родившийся в Пскове и до тридцатого года носивший фамилию Зильбер, сменил ее по понятным в нашем Отечестве причинам.

Непрост он и потому, что стал писателем универсальным, но при этом сохранившим чистый звук литературы во всем, что писал.

Во-первых, он был одним из Серапионов. Из той самой знаменитой литературной группы двадцатых годов. Когда спрашивали: «С кем вы, Серапионовы братья? За революцию или против?» – один из чрезвычайно интересных и забытых писателей Лунц отвечал: «Мы с пустынным Серапионом».

Каверин учился на историко-философском факультете Московского университета и на философском – Петроградского, одновременно сидел на лекциях арабского отделения Института живых восточных языков. Но дело не в формальностях – Тынянов и Шкловский, Вс. Иванов-Тихонов и Федин, Зощенко и Слонимский – вот был круг общения Каверина. Это была не превращенная литература.

И если всмотреться в героев «Скандалиста, или Вечеров на Васильевском острове» или «Художник неизвестен», то вот они, под другими именами – Шкловский и Заболоцкий, «Серапионы» и лингвисты, ученые и писатели. И вот он – ворованный у времени и власти воздух настоящей литературы.

Вениамин Каверин ловко скрывался под маской простого советского пенсионера.

Во-вторых, Каверин написал лучший романтический роман советской литературы. Это роман о покорении неба и снега, роман о путешествиях и любви, о дружбе и предательстве. Именно из этого

романа всякий выучивал череду глаголов: бороться – искать – найти – не сдаваться. Для миллионов это осталось единственной строчкой Тенисона, которую они слышали.

Это хорошая и честная книга, которую и сейчас можно читать без скидок на время и идеологию. Каверинский роман внешне прост, но конструкция его жесткая, как конструкция настоящего рыцарского романа. Недаром сейчас этот роман, положенный на музыку, поется в тени фанерного бомбардировщика на одной из московских сцен.

И известен этот роман больше, чем его же «Открытая книга», где биологи мучают вирусы, а их самих мучают борцы с генетикой.

Есть еще несколько десятков повестей, рассказы и заметки, великолепные воспоминания. Он помогал восстанавливать справедливость по отношению к Зощенко и Тынянову, был одним из организаторов альманаха «Литературная Москва». Но есть еще в-третьих.

А в-третьих, Каверин написал ворох современных сказок, которые стали стилем современной городской сказки. В них он замкнул круг, вернулся к причудливости ранних рассказов, интонации Гофмана. Эти каверинские сказки показали сотням тысяч читателей, что сказки – это не только сюжеты мультфильмов про Красную Шапочку, и утерянные туфельки.

При всем этом Каверин сумел ни разу не уронить себя в отвратительной возне советских писателей, постоянно делавших шапки из домашних зверей средней пушистости.

Он боролся и искал, нашел эту свою собственную ноту в литературе и не сдавался. ■